

Стихотворения

Кекова Светлана Васильевна – поэт, член Союза российских писателей. Родилась на Сахалине, окончила филфак Саратовского государственного университета. Автор многих поэтических сборников и нескольких литературоведческих книг, в том числе посвященных творчеству Николая Заболоцкого и Арсения Тарковского. Стихи Светланы Кековой переводились на многие европейские языки. Лауреат нескольких литературных премий, в том числе Новой Пушкинской и премии Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь». Доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин Саратовской государственной консерватории.

* * *

Мы плывём на бессмертном «Титанике»,
и в каютах – комфорт и уют.
Нам слова, как печатные пряники,
на десерт иногда подают.

Гребни волн застывают вопросами –
где вы – Ной, Моисей, Авраам?
И скользят, как лакеи с подносами,
тени дам по роскошным коврам.

Капитан в отутюженном кителе
задремал и присел на диван –
и уже господа сочинители
смотрят с палуб, как спит океан.

А небесное наше отечество
говорит безутешной земле:
«Осторожно – плывёт человечество,
на огромном плывёт корабле!»

* * *

Я была солдатом лихой войны,
и сражались мы не на жизнь – на смерть.

Где хозяин звёзд и морской волны?
Кто даёт устав и колеблет твердь?

Я вставляла в строй, и при счёте «раз»
я в пустыне делала марш-бросок.
Кто отнимет мрак от закрытых глаз?
Кто зароеет золото в морской песок?

Я была водой – тем, кто хочет пить.
Я была травой – тем, кто хочет спать.
Кто меня в иголку вставлял, как нить?
Кто меня заставил землю стать?

По земле пустыни ползёт змея,
а в пустыне неба горит алмаз.
Ты ответь мне, Ангел и Судия,
кто отнимет мрак от закрытых глаз?

9 марта 2022*

Снова крест воздвигается царский –
мы не слышим об этом вестей,
но ревет водопад ниагарский
новостей, новостей, новостей.

снова в жертву приносятся овны,
горек сладкий Отечества дым.
Мы виновны – и мы не виновны.
Мы в слезах перед Богом стоим.

На развалинах Третьего Рима
слышен глас, обращенный ко мне:
«Устоишь ли ты в страшной, незримой,
проходящей сквозь сердце войне?»

* День обретения главы Пророка,
Предтечи и Крестителя Господня Иоанна

* * *

Если птица летит на свободу –
бьётся сердце у птицы внутри...
Не смотри на меня как на воду,
на меня как на пламя смотри.

Если я твои ласки приемлю –
значит, ты не боишься огня...
Не смотри на меня, как на землю,
как на воздух смотри на меня.

Волны моря – солёные глыбы,
это море бушует во мне,
и плывут разноцветные рыбы
где-то там, на большой глубине.

В дивный ад, в голубую могилу
ты нисходишь, как в призрачный сон,
чтобы соль, потерявшую силу,
взять в ладони и выбросить вон.

Складки волн, их извивы, изгибы
замирают в предсмертной тоске –
и лежат разноцветные рыбы
на камнях и на мокром песке.

* * *

Мир, опрокинув аргумент Декарта,
безумную вращает карусель –
и вот в России в середине марта
февральская бесчинствует метель.

А со страниц печати европейской
доносятся рычание и лай,
и пишет книгу о войне библейской
для нас Святитель Сербский Николай.

Он говорит, что грех, как ветер, выдул
из душ людских сознание вины,

и если в сердце вместо Бога – идол,
то мир – не мир, а колыбель войны.

Жизнь освящая факелом зажженным,
у пропасти, в отчаянии лихом,
опять стоит народ, вооруженный,
грехом и страхом, страхом и грехом.

Душа

Ты плачешь, ты хочешь нравиться,
оглядываясь на бегу,
с тобою, моя красавица,
я справиться не могу.

Какое ты слово пестуешь,
какое дитя растишь?
Ты в прошлое путешествуешь –
и в будущем ты гостишь.

О, как мне ещё аукнется,
душа, твой былой размах!
Разбойница ты, преступница,
изгой на чужих кормах.

А я – только тело ветхое,
защита тебе и кров...
Пометь меня звёздной меткою,
владычица двух миров!

* * *

Расскажи мне о жизни в пустыне,
о тоске, о великом огне,
о любви, об отце и о сыне,
расскажи о бессмертии мне,

о грехе, милосердии, страхе,
о предательстве мне расскажи,

о победе, о жизненном крахе,
о молчанье, о правде, о лжи,

о страдании, смехе и плаче,
о враче – или нет – палаче
расскажи – Ты не можешь иначе:
плачет мир у Тебя на плече.

* * *

Нам шьёт зима одежды брачные,
сквозные, белые, непрочные...
Снег завалил дома невзрачные —
кирпичные и крупноблочные.

А улицы гремят трамваями,
гудят машинами заморскими,
и голуби гуляют стаями
с замашками консерваторскими.

Пространство сыто снежным творогом,
а время – сахарною пудрою.
Но чёрный ворон смотрит ворогом,
ища себе подругу мудрую.

Он ей сошьёт фату из инея,
из снега – платье подвенечное
и улетит с ней в небо синее,
в пространство канет бесконечное!

* * *

И. Л. Егоровой

Средь зарослей русской печали
на фоне реки голубой
мы вместе с тобою молчали
и плакали вместе с тобой.

Листвой шелестели берёзы,
и плеск раздавался волны,

и снова мы видели слёзы
на лице великой страны.

Коня ей, как прежде, не спешить,
в избе ей, как прежде, не жить.
Но чем её можно утешить
и слёзы её осушить?

Ах, родина, пашня, дорога,
и в горе ты так хороша!
Тебе только песня – подмога
Да женщины русской душа.

* * *

От всех домов, в которых я жила,
от дивных рек, где рыбы молча плыли,
остались угли, пепел и зола
и тонкий слой какой-то влажной пыли.

Мне некого и не в чем упрекать:
хранится время в виде мелких гранул.
Но есть такое право – окликать
и тех, кто жив, и тех, кто в вечность канул.

Зарос осокой бывший райский сад,
а где-то меж сосной и остролистом
две странных рыбы над землёй висят,
и бьют они хвостами в небе мгlistом.

Щегол

Я, вступившая в мамин посмертный возраст,
вдруг да вспомню вечером, как она
посыпала сахарной пудрой хворост
и стирала скатерти изо льна,

огурцы с грибами солила в кадках –
были эти хлопоты ей близки,

шила детям платица в лёгких складках
и вязала варежки и носки.

Было разных дел и забот немало,
не кончался вечером день её,
и сияло в панцире из крахмала
на шершавой полке в шкафу бельё.

Есть у быта русского сонмы пленниц,
несть и русским мученицам числа,
но она – смиренница из смиренниц
так светло и ясно свой крест несла.

Ей печаль открыла свои объятия,
а болезнь в свою занесла графу,
и всего одно выходное платье
много лет висело в её шкафу.

И когда ушла из земного плена
птица светлая об одном крыле,
в День святого мученика Гермогена
мы предали тело её земле.

Я возьму засохшего хлеба крошку,
что она когда-то давно пекла,
и надену варежку на ладошку,
на которой жив силуэт щегла.

И, как будто праздную именины,
запоёт в конце февраля щегол,
и икона мученицы Антонины
увенчает наш поминальный стол.

* * *

Облаков прошлогодних лепнина
осыпается. Вянут цветы.
И стоит на пригорке рябина
со следами былой красоты.

В золотых ли коронах иль медных
клёны, ясени, толпы берёз...
Нет им дела сегодня для бедных
и простых человеческих слёз.

Да, о юности вечнозелёной
скоро будут деревья грустить,
только мы их тоски потаённой
не умеем понять и простить.

* * *

Александру Казину

Снег лежит на деревьях, не тая.
Огоньками мигают такси...
И мерещится Русь Золотая
нам, зачатым в Железной Руси.

Мы теперь не Обломовы – Штольцы,
Но крещёные наши отцы –
богомольцы тире комсомольцы,
комиссары тире чернецы

спят в земле, словно в братской могиле,
под покровом сияющей тьмы
и не ведают, как их любили
и как их ненавидели мы.

Мы – наследники тьмы и сиянья –
купола различаем вдали
и целуем в слезах покаянья
антиминс драгоценной земли...

* * *

На лучшие слова твои
ложится тень, как грех Адамов.
Но строят гнёзда воробьи
под кровлями жилищ и храмов.

Законам тления и сна
доселе мир подвластен тварный,
но в небесах царит луна,
как некий гений лучезарный.
И кто судьбой за грех платил,
тому посмертный жребий страшен —
но влажным пламенем светил,
как прежде, небосвод украшен.
Пускай щебечет птичий рой,
горячей солью пахнут слёзы,
бесшумно из земли сырой
растёт сияние берёзы.
И неба вечная купель
влечёт неведомою силой,
и светлый ангел колыбель
качает над пустой могилой.

* * *

Дай бабочкам такие имена,
чтоб цвет их крыл звучаньем был угадан.
Дай зимним пчёлам мёда и вина,
а детям – смирну, золото и ладан.
Войди в мой дом – и я зажгу свечу,
в глухой ночи лицо в ладонях спрячу.
Скажи мне: «Замолчи», – я замолчу,
скажи: «Заплачь», – и я как дождь заплачу.
Свет льнёт к душе, как влага к кораблю,
как ласточка к пустому небосводу.
Скажи мне тихо: «Я тебя люблю», –
и я пойму, как пламя любит воду.
Как любит дух покинутую плоть,
как вечность любит бег секунд поспешных,
как безнадежно любит нас Господь –
нас, обнажённых, плачущих и грешных.